

Феликс Кохрихт

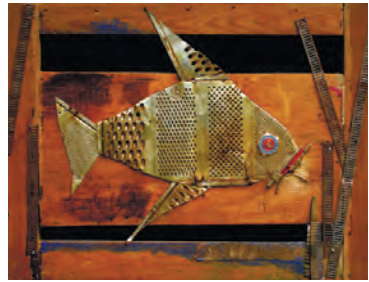
«Меркнут знаки зодиака...»

Пройдя большую часть жизненного пути, я понял, и нынче могу в этом признаться, что мир для меня делится на тех, кто тут же продолжит строфу Николая Заболоцкого «...Спит животное Собака, дремлет птица Воробей», и на других. Они не хуже и лучше нас, но – другие. Есть еще сходство, но не родство, по Кипплингу:

«Мы с тобой одной крови». Речь у певца джунглей идет о зверях их населяющих и человеке-охотнике.

Заболоцкий в своей колыбельной 1929 года, но скорее – метафизической молитве, ощущает родство с малыми сими, с теми, кто живет рядом с нами, и почти такой же, как и мы, но гораздо простодушнее, естественнее и беззащитнее.

Евгений Голубенко – один из немногих наших земляков, входящих в мировую творческую элиту. Он – художник-постановщик фильмов Киры Муратовой, с которой связаны и история, и сегодняшний день киноискусства. Этот семейный союз ознаменован победами на международных фестивалях. Но кроме творчества есть и еще одно объединяющее их начало – стремление помочь и человеку, и животному Собаке, и птице Воробью, и Кошке – существу (не упомянутому Заболоцким, но воспетому Кипплингом и Хемингуэем), которое не укладывается ни в научную классификацию, ни в обывательские представления о домашних животных.

На недавней выставке работ Жени во Всемирном клубе одеситов были работы, на которых они сидят на деревьях, жмурятся на солнце в палисадниках на Малой Арнаутской, на террасах заброшенных фонтанских дач... Все это – наши дворовые кошки, к которым мы привыкли, но которых с восхищением и недоумением разглядывают иностранцы: как такая красавица живет у мусорного бака – место ей у камина, на коленях хозяйки...

Разумеется, профессиональные достоинства работ художника, его место в современном искусстве автор этих кратких заметок с выставки вовсе не определяет его жизненной позицией и гуманными устремлениями. Голубенко – мастер, владеющий не только разнообразными жанрами, от классического рисунка и живописи до абстрактных композиций, коллажей, скульптуры. Евгений создает в фильмах Муратовой мир вещей и предметов, интерьеров и натюрмортов – мыслеформы не высказанного в монологах и диалогах ее персонажей, среди которых случаются и кошки, и собаки...

Любопытно, что в объектах (создавая их, Голубенко умудряется пустить в дело все, что его окружает) сквозь пирамиды катушек, комбинации деталей часовых механизмов, хитросплетения проводов проглядывают черты (лица, а то и лики) кошек, рыб,

птиц, а то и домовых... Как бы связующим звеном между мирами живых и сотворенных человеком служат ветки и корни деревьев, фрагменты стволов, сухие цветы...

Признаюсь, особое чувство вызывают у меня холсты и картоны, на которых замер в ожидании неминуемого конца фантомный мир пионерских лагерей – еще недавно наполненный грохотом барабанов, пением горнов, шумом ребятни, отправляющейся на полдник, вечерним постукивание волейбольного мяча... Сегодня по велению Жени Голубенко его оберегают лишь наши воспоминания да коты и кошки – правнуки тех, кого я подкармливал пайковым творогом в пионерлагере работников госучреждений на 10-й станции Большого Фонтана.

Меркнут знаки зодиака. Среди упомянутых в мистории Заболоцкого есть и одесситка: «дремлет рыба Камбала». Есть она и на одной из работ Голубенко. Есть еще повесть Сергея Рядченко, посвященная нашей ушедшей Скумбрие.

Сереза и Женя – авторы альманаха «Дерибасовская – Ришельевская».